

УДК 139.316 б

Собольников В. В.

Новосибирский государственный педагогический университет
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28, Российская Федерация

«BEHAVIORAL OPERATION»: ПОНЯТИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ФРАГМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

АННОТАЦИЯ

Целью работы является исследование феномена «behavioral operation» (бихевиористская операция) как средства скрытой модификации поведения социума, что определило новизну и актуальность работы. С использованием дискурс-анализа, метода виртуальной реальности и мониторинга выделены фрагменты модели поведенческой операции. По итогам анализа взглядов ряда исследователей, источников и мониторинга раскрыты технологии скрытой модификации поведения, конгруэнтно встраиваемые в модель. На основе изучения операции выявлена психологическая природа и система значений понятия. Введена авторская редакция дефиниции «поведенческая операция». Анализ процесса вероятностной разработки, проведения бихевиористских операций и фрагментов мониторинга убеждает в их эффективности. Показана перспективность их использования в дальнейшем. В заключение статьи сформулированы предложения о необходимости проведения системных разработок в целях снижения риска применения «бихевиористских операций» в деструктивных целях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

бихевиористская (поведенческая) операция, информационно-психологическое противодействие, модификация поведения социума, виртуальные конструкторы

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Постановка проблемы](#)

[Бихевиористская операция: понятие, психологический дискурс](#)

[Модификация поведения больших социальных групп как проекция виртуальных конструкторов](#)

[Заключение](#)

V. Sobolnikov

Novosibirsk State Pedagogical University

28 Vilyuiskaya ul., Novosibirsk 630126, Russian Federation

“BEHAVIORAL OPERATION”: CONCEPT, PSYCHOLOGICAL DISCOURSE AND FRAGMENTS OF SOCIAL PRACTICE

ABSTRACT

The aim of the article is to study the phenomenon of “behavioral operation” (behaviorist operation) as a means of latent modification of the behavior of society, which determined the novelty and relevance of the work. Using discourse analysis, virtual reality method and monitoring, the author identifies fragments of a behavioral operation model. Based on an analysis of the views of a number of researchers, sources, and monitoring, technologies for concealed behavior modification that are congruently embedded in the model are disclosed. Based on the study of the operation, the psychological nature and value system of the concept are revealed. The author’s edition of the definition “behavioral operation” has been introduced. Analysis of the process of probabilistic development, the conduct of behavioral operations and monitoring fragments convinces them of their effectiveness. The prospects of their use in the future are shown. In conclusion, the article formulates proposals on the need for systemic development in order to reduce the risk of using “behaviorist operations” for destructive purposes.

KEY WORDS:

behaviorist operation, informational and psychological counteraction, modification of society behavior, virtual constructs

ВВЕДЕНИЕ

Информационно-психологическое противодействие в современном мире между субъектами международного права представляется многоликим и имеет различные аспекты. Непрямые и асимметричные действия, взятые на вооружение, позволяют лишить противоборствующую сторону фактического суверенитета без захвата территории государства. «Подлинное могущество, – подчёркивает экс-президент США Б. Обама в интервью американскому журналу «The Atlantic» в марте 2016 г., – означает, что можно получить желаемое, не прибегая к насилию»¹. Будучи дорогостоящими и не всегда эффективными, технологии «цветных революций», «управляемого хаоса» и другие инструменты теневой власти отходят на второй план. Приоритет будет

¹ The Obama Doctrine: The U. S. president talks through his hardest decisions about America’s role in the world // The Atlantic: [сайт]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525> (дата обращения: 14.03.2019).

отдаваться «мягкой силе» [16] посредством проведения бихевиористских (поведенческих) операций [9]. В настоящее время ряд научно-исследовательских центров университетов США, Великобритании, Канады занимается активной разработкой актуальных программ ведения поведенческих войн. При этом американскими специалистами в последнее время осуществляется апробация отдельных фрагментов технологий проведения бихевиористских операций [3]. Становится очевидным, что «behavioral operation» может в значительной степени усилить неравенство сил, порождая для России новые вызовы и угрозы. Возникает настоятельная потребность изучения данного феномена с проработкой концептуальных основ проведения бихевиористских операций. Востребованной в перспективе становится разработка специальных технологий по срыву или нейтрализации имеющихся у инициаторов преимуществ.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В процессе активного информационно-психологического противодействия субъектов международного права в ряде наиболее развитых стран ведётся разработка и адаптация новых разнообразных и сложных технологий. В их основу закладываются современные наработки социальной, когнитивной, виртуальной и этнической психологии, психофизиологии и нейронаук. Разработанная в США (2014 г.) в рамках Третьей инициативы оборонных инноваций Концепция поведенческого противодействия преследует цель создания уникальной технологической системы скрытого управления групповым и массовым поведением² сообщества любой размерности. В этой связи информационно-психологическая сфера российского социума приобретает наиболее значимый статус при осуществлении информационно-психологического противодействия.

Перспективные возможности применения новых технологий открываются с получением «объёмных данных» больших социальных групп, по которым «вычисляются» вариативность их поведения и вероятностность проведения бихевиористских операций. Так, информационный массив АНБ США (штат Юта), обладающий объективной информацией о социальном поведении больших групп и этносов по всему миру, может обеспечить сопровождение поведенческих войн. Более того, объём сведений, содержащийся в интернете, по сути, представляет собой дополнительный поведенческий архив. Отслеживание динамики социальных коммуникаций и её причин позволяет прогнозировать и «управлять» поведением социума [5, с. 27–33]. Итогом такого управления должна стать трансформация субъектов мировой политики, экономики и т. п. в объекты, находящиеся под внешним, не воспринимае-

² The U. S. Army Operating Concept: Win in a Complex World: 2020–2040 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2014/U.S._Army_Operating_Concept_7oct2014.pdf (дата обращения 18.08.2019).

мым ими, управлением. Разработка такого рода технологий проводится «на стыке когнитивных вычислений, “больших данных” и междисциплинарного комплекса поведенческих наук» [4]. Очевидно, бихевиористские операции, являясь продолжением информационных войн, используют наработанный инструментарий и задают в общей иерархии более высокий уровень воздействия. В целях модификации поведения социума предметом воздействия используются архетипические и семиотические его системы, а также знаки, значения, символы и смыслы.

Универсальность, скрытность и поливариативность бихевиористских операций, получивших в США неофициальное название «невидимая сила» («hidden power»), не позволяют в полной мере отслеживать их проведение. Потребность поиска средств и механизмов снижения её деструктивного потенциала остаётся за рамками современных исследований. При этом фиксируемые нами фрагменты фактов применения новых технологий убеждают в высокой эффективности и поэтому требуют глубокого научного осмысления. Анализ исследований последних лет ряда авторов, в частности Е. С. Лариной и В. С. Овчинского [4], Г. Г. Почепцова [7]; Дж. Аркилья [11]; А. Пентланд [17] и др., убеждает в её актуальности. Вместе с тем как отдельная эта проблема в имеющейся литературе глубоко не исследуется. Отсутствуют теоретические и эмпирические данные, раскрывающие психологический феномен поведенческих операций. Поэтому в рамках изучения этой проблемы становится необходимым в качестве основной цели обозначить психологический анализ бихевиористской операции с рассмотрением по результатам мониторинга фрагментов их проведения.

БИХЕВИОРИСТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ: ПОНЯТИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Психологическая природа феномена бихевиористской (поведенческой) операции так или иначе раскрывается в рамках информационно-психологического противодействия. Трансформация терминов «информационная война» в «информационные операции» привела к следующей классификации специальных операций: психологические операции (Psychological Operations), военные операции (Military Deception), оперативная безопасность (Operational Security), кибероперации (Cyberwarfare). В военных кругах США информационная операция понимается как «действия, предпринимаемые с целью оказания влияния на принятие решений в поддержку политических и военных целей путём воздействия на информацию, информационные процессы и системы управления противника, при одновременной защите собственной информации и информационных систем» [11].

С появлением поведенческой экономики [19], теории больших чисел [12, с. 39], ряда технологий («дэйта хьюм», «запирающие» технологии, массовое управление, охраняемая открытость, «подталкивание», «супернадж» и т. д.) проявилась потребность в выделении т. н. «бихевиористской операции». В ан-

глаголы литературы стали больше внимания уделять операциям влияния [19; 20 и др.], разработке технологий скрытого выявления намерений противной стороны и его когнитивного измерения [13; 19] и т. д. Идея вероятностной трансформации поведения социума на основе алгоритма: «информационные операции – психологические операции влияния – поведенческие операции» постепенно оформилась, обозначив определённые границы.

С переходом от физических методов принуждения к реализации концепции «мягкой силы» (soft power, MC) трансформировалось и отношение к воздействию, которое стало более «привлекательным» [7]. В ряде высокоразвитых стран были предприняты меры по разработке технологий модификации поведения социума. Постепенно поведенческие технологии стали приобретать статус «перспективного вида психологического оружия, возможности которого нацелены на эксплуатацию поведенческих стереотипов и подсознательных паттернов человеческой деятельности» [4; 8 и др.]. В результате в рамках ранее упомянутой классификации специальных операций стало возможным появление нового вида – бихевиористская (поведенческая) операция.

Анализ имеющейся литературы не позволяет в полной степени раскрыть понятие «бихевиористская (поведенческая) операция». В большинстве источников приведено безотносительное описание возможностей с утверждением наличия значительного разрушительного потенциала с непредсказуемыми последствиями для страны-мишени. Будучи нелетальным, это средство с помощью скрытого воздействия переводит не осознающий этого социум в новые условия жизнедеятельности. В сущности, запускается ключевой механизм, способный изменить статус-кво социума с субъекта на объект. Целью такой операции является «смена поведения, которое должно произойти незаметно и беспрепятственно для объекта воздействия» [7]. Разработка такой операции осуществляется на стыке когнитивных вычислений, больших данных и междисциплинарного комплекса поведенческих наук. При этом, «зная ценностные ориентации объекта воздействия, – полагает Ричард Шафрански, – и используя его систему репрезентации, можно достигать цели, “разговаривать” с разумом (социума – В. С.) на вербальном и невербальном уровне» [20, р. 405]. В результате разработка и применение бихевиористских (поведенческих) операций с высокой степенью вероятности могут стать реальностью нашей жизни.

Изучение феномена бихевиористской операции следует соотносить с разработанной на основе Стратегии национальной безопасности США 2017 г. «Оперативной концепции Армии США “Победа в сложном мире 2020–2040”»³. При этом возникает необходимость уточнения базового понятия этого феномена как системно-структурного явления. «Behavioral Operation», являясь сложным словосочетанием, включающим два значения: behavioral

³ National Security Strategy of the United States of America: December 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (дата обращения: 01.09.2019).

(бихевиоризм) и operation (операция). В самом общем виде «бихевиоризм (англ. behaviour – поведение) определяет исследовательское направление психологии, заключающееся во взаимодействии среды и реакциями человека по схеме “стимул – реакция”. Операция (англ. operation) в современном научном понимании представляет собой (а) ряд действий, связанных с решением задачи, достижением определённой цели; (б) отдельная законченная часть технологического процесса...; (в) переработка и передача информации в процессе решения задач...» [10, с. 32,220]. Анализ существующих подходов к проблеме изучения бихевиористских (поведенческих) операций позволяет провести некоторое обобщение имеющихся данных:

1. Бихевиористская операция, являясь сложным, интегративным психологическим феноменом, представляет в рамках информационно-психологического противодействия совокупность согласованных, скоординированных и взаимосвязанных способов и приёмов психологического воздействия на среду и социум в целях получения планируемой реакции по формуле «стимул – реакция».

2. Эффективность операции достигается посредством синхронизации и множественности воздействия, с использованием власти информации и образов, власти смыслов, что повышает уровень доверия социума. Более того, активизирует или подтверждает уже имеющиеся предпочтения с вероятностной привязкой к внутреннему мышлению больших групп. Оставаясь для социума слабо фиксируемым воздействием, инициатор проводимой операции может от ситуации к ситуации менять поведение социума с помощью определённых и предсказуемых способов на основе стабильности сложившихся паттернов.

3. Целью проведения операции является модификация поведения социума, достижение тановится возможным в процессе интеграции внешних стимулов в конструкты социума (constructs of society). Эти способы представляют собой стратегию кодирования, которая базируется на психологическом механизме трансформации поведения как реакции на внешние и внутренние изменения. Значительная часть поведения осуществляется в полуавтоматическом режиме, на основе привычек, этноконфессиональных и культурных стереотипов. Изоляция сложившегося вида деятельности и опора на привычки, имеющийся опыт и поведенческие паттерны сопутствуют достижению цели.

Изложенное позволяет «бихевиористскую операцию» воспринимать как одну из организационных форм информационно-психологического противодействия, в виде сложного, интегративного феномена раскрывающего определенную совокупность согласованных, скоординированных и взаимосвязанных способов и приёмов поэтапного оказания скрытого психологического воздействия на среду и социум в целях достижения планируемой смены его поведения. С психологической точки зрения предложенное определение по причине отсутствия иного может быть использовано в качестве рабочего. Вероятность дальнейшей его проработки связана с процессом

проведения комплексных теоретических и экспериментальных исследований данного феномена. Более того, его использование возможно в контексте бихевиористической теории как учения о поведенческом реагировании индивидов и больших социальных групп.

Раскрытие психологической природы феномена «бихевиористская операция» обуславливает проведение анализа в рамках научного психологического дискурса. Вербализация ряда теоретических положений в терминах психологических концепций, положенных в основу формирования исследуемого феномена, позволяет раскрыть его сущность. Значимым остаётся выход на основы и ориентиры психологического контекста бихевиористской операции и осознания вероятностного механизма её реализации. Впервые словосочетание «бихевиористские войны» было на основе исследований, проведённых В. Бехтеревым, И. Павловым и школой необихевиористов [9], введено в лексический оборот в Великобритании. Результаты экспериментальных исследований Б. Скиннера были положены в основу нового проекта. Не осталось без внимания предложение исследователя о необходимости создания общины на основе «поведенческой инженерии» с применением положительного подкрепления в целях «научного» контроля над людьми. По его мнению, идеальная община должна управляться не политиками, а «доброжелательными» бихевиористами, вооружёнными «позитивным» подкреплением [21]. В своей концепции Б. Скиннер представляет человека как существо, внутренняя жизнь которого сводится к реакциям на внешние обстоятельства, а прошлое и настоящее посредством нейрохимических механизмов формирует поведение. Между стимулом и реакцией им была выделена т. н. промежуточная переменная, которая усиливала, замедляла или вовсе препятствовала подкреплению, т. е. образованию обусловленной связи. Такой «переменной» могли бы стать цель, образ, потребность, намерение, ожидание, знание, знак, гипотеза и другие сознательные психические феномены. «Технология поведения, – уверенно выводит Б. Скиннер, – может обеспечить целенаправленный манипулятивный контроль одних над другими» [22]. Бихевиористская проблема (поведение как проблема); динамика (внутренняя динамическая мотивация внешнего поведения) и инерция (противодействие модификации в режиме подкрепления, включая прекращение) как элементы технологии при этом приобрели практическое значение.

Вместе с тем определённая часть психологов идеи бихевиоризма воспринимает скептически. Так, У. Мишел справедливо полагает, что человек создаёт ситуации, в которые он попадает, а ситуации, в свою очередь, влияют на поведение людей. Уникальный подход, использованный им, привёл к возникновению теории последовательности и непоследовательности поведения в концепции когнитивно-аффективной системы (cognitive-affective personality system) [15, p. 172–179]. Очевидно, что при иницировании модификации поведения полагаться на отдельные примеры проведённых ис-

следований явно недостаточно. Следует иметь банк вариантов поведения, т. е. необходимую сумму множества разных поведений. В качестве основы была использована теория больших чисел, в которой относительная частота появления события в независимых экспериментах по теореме Д. Бернулли была сведена к вероятности конкретного события [13, р. 633–643]. Поэтому накопление массивов объективной информации о поведении социальных и иных групп большой размерности расширило возможности эффективного проведения бихевиористских операций.

Другой значимой проблемой стало вероятностное прогнозирование предполагаемой модификации поведения. Дж. Роттер в своих работах раскрывает вероятность осуществления прогноза на основе анализа четырёх переменных: поведенческого потенциала, ожидания, ценности подкрепления и психологической ситуации. Общая формула модификации поведения, разработанная им, позволяет выделить показатель её допустимости. Значимым остаётся сформулированный исследователем эмпирический закон воздействия, когда наиболее сильное подкрепление люди получают при условии продвижения по направлению к обозначенной цели [17]. Важным дополнением к этому стало положение У. Мишел о том, что поведение человека определяется также степенью восприятия себя в конкретной ситуации [14]. При этом, заключает он, поведение меняется от ситуации к ситуации, но в каждом случае исключается жёсткая связь с персональными качествами человека. Им же разработана стратегия кодирования людей в виде методов систематизации информации, поступающей от внешних стимулов. Определённый интерес в этом плане представляет также работа Д. Канемана и А. Тверски по проблемам поведенческой экономики [2].

Проведённый нами анализ убеждает в том, что разработка бихевиористских операций активно ведётся за рубежом, а возможность их проведения становится всё очевиднее. Вместе с тем исследуемый феномен до настоящего времени не получил своего концептуального оформления. Дискурс-анализ позволил обозначить теоретические подходы к «бихевиористской операции», раскрыть психологическую природу, обозначить элементы модели исследуемого феномена, сформулировать понятие. В тоже время за рамками изучения остаётся проблема модификации поведения больших социальных групп с позиции виртуальной психологии.

МОДИФИКАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП КАК ПРОЕКЦИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ КОНСТРУКТОВ

Большие социальные группы как объект модификации их поведения представляют собой условную общность людей, выделяемую и объединяемую на основе ряда признаков (культурологических, расовых, этнических, конфессиональных, половых, возрастных и т. д.). В своём большинстве специфическим мотиватором поведения больших социальных групп выступают

общие цели, интересы, традиции, нравы и обычаи, опыт прошлых лет и т. д. При этом социальная желательность их поведения реализуется в трёх взаимозависимых пространствах: физическом, информационном и виртуальном. Современные способы конструирования меняющейся во времени виртуальной среды посредством культуры, религии, значений, смыслов, символов, архетипов и т. д. во многих случаях позволяют модифицировать поведение социума. Разработка и применение «бихевиористских (поведенческих) операций» преследуют цель изменения его поведения и перевода субъекта воздействия в статус объекта. Вместе с тем создание такого «позитива» невозможно без лингвистического конструирования, а затем и соответствующей интерпретации. Любая трансформация поведения связана с психическими процессами и деятельностью значительной совокупности индивидов. Поэтому процесс отражения заложенной в конструкт и инфильтрируемой в социум информации должен привести к последующему преобразованию. Субъективно формируется новое сочетание имеющегося опыта и контекстной информации, которое в виде образов, смыслов, значений и т. д. занимает положение между мышлением и памятью, трансформируя цели поведения. Такое совмещение эмоционально-чувственного и абстрактно-логического опыта в больших социальных группах в целом может обеспечить формирование мотивации ожидаемого поведения. Психический процесс создания, например, образа изменения цели и модификации поведения социума предполагает трансформацию имеющихся представлений, осуществление которой может быть заложено в процессе как конструирования конечного результата, так и программы поведения при неопределённости проблемной ситуации.

В целом интенсивная среда виртуального пространства выстраивается на основе мнимых, возможных визуальных ситуаций, представленных в виде системы обстоятельств (подкреплений), способных сформировать проекцию планируемого поведения социума. Очевидно, реализация одной виртуальной ситуации и последующей за ней через оптимальные промежутки времени другой, третьей предсказуемо трансформирует поведение. Интеграция в ситуации ценностей, наделённых системой приоритетов, делает конструкт виртуального элемента созвучным и доступным социуму. В результате упорядоченная последовательность действий, предписанных виртуальной ситуацией, может эффективно выполняться. При этом следует учитывать, что социум, как правило, представляет собой разнонаправленную совокупность хаотичного поведения, реализуемого адекватно ценностным ориентациям и доминирующим целям. Поэтому создание виртуальных конструктов должно происходить на основе выявления ведущих и доступных к реализации целей больших социальных групп. При этом во внимание берутся психологические стереотипы поведения, привычки, нравы, поведенческие паттерны и др. Поэтому изменение цели поведения закладывается во внешний конструкт в виде квазиреальности с учётом субъективного опыта людей и образов буду-

щего поведения. Поэтому социум реагирует на конструкты как на действительно реальные и поступает в соответствии с ними.

В результате виртуальные конструкты, оказывая воздействие на социум, трансформируют поведение и пространственно-временные характеристики «взаимодействия» субъект – субъект, осуществляя перевод на субъект-объектные отношения. Эти изменения в деятельности больших социальных групп протекают в новой психической реальности – виртуальной реальности. Поэтому важным элементом поведенческих конструктов является включение доминирующих целей, образующих поведенческий потенциал социума. Набор действий и поведенческих реакций, сформированных в течение жизни [18] будет соответствовать целям поведенческой операции. Цель-приоритет, по сути, выстраивает цепь доступных виртуальных ситуаций, а поведение, адекватное ему, становится ожидаемым для социума и прогнозируемым для разработчика. Видимо, получаемая в ходе воздействия информация во многом должна соответствовать идеям, интересам, настроениям, чувствам, установкам и прочему социума. Кроме того, использование таких элементов, как установление и поддержание раппорта с социумом, технологии выравнивания восприятия, «якорение», паттерны принятия решения ит. д., в значительной мере могут повысить эффективность воздействия. Однако сформировать поведенческий потенциал социума и определить потенциальные цели остаётся делом достаточно сложным. С появлением информационной ёмкости Центра АНБ США (штат Юта), обладающего массивом поведенческой информации во всех странах мира и континентах, задача упрощается. Осознание того, что значительная часть поведения человеком осуществляется в полуавтоматическом режиме, на основе привычек и стереотипов, и привлечение данных из арсенала реального поведения людей в различных странах, ситуациях, их связях и привычках, склонностях и реакциях способствуют решению этих проблем.

Анализ бихевиористских операций следует связать с результатами мониторинга отдельных фрагментов социальной практики их применения субъектами международного права. В современном мире происходит нарастание «игр» с виртуальной реальностью, отображающих разные виды виртуальной «действительности» и преследующих цель склонить социум к принятию планируемого решения. Важную роль при этом играет разработка мифа, в котором слияние объективной и субъективной реальностей задаёт должный коллаж в виде инструментария, позволяющего войти и установить контакт, понять себя, проекцию сознательных целей и опасений социума. В этой связи такого рода легендирование может порождать как энергию и энтузиазм социума, волю к победе, так и апатию, депрессию. Именно посредством мифологии закладывается в конструкт идея деструкции или реконструкции картины мира в контексте его иного мировоззренческого и доктринального понимания. Такие системы в своём стремлении предопределяют большие

социальные группы на включение в систему доминирования мифа при ограничении вероятности их изменения и выхода. В контексте изложенного в качестве примера следует показать бихевиористскую операцию британских спецслужб «Дело Скрипалей», задачей которой стала попытка перевода России в разряд «токсичных» государств. Именно дискредитация политической власти и режима на основе виртуальных ситуаций в виде «игры с пошаговым повышением ставок» стала её целью. Начальный этап операции в марте 2018 г. был связан с отравлением Скрипаля и его дочери. На следующем этапе по данному факту в сентябре 2018 г. полицией Великобритании был опубликован отчёт о предварительных результатах «расследования» с назначением «главного виновного». Третьим этапом стала информация о наличии, якобы, российского перебежчика, который может подтвердить факт отравления [6]. В настоящее время в Великобритании идёт подготовка заключительного этапа операции: выпуска кинофильма. Следует заметить, что в течение полутора лет английской стороной не было предъявлено общественности ни одного достоверного факта, подтверждающего содеянное. Виртуальная манипуляция информацией, не имеющей доказательности, явилась классическим вариантом проведения поведенческой операции.

Другим вариантом их реализации стала поведенческая операция «Слуга народа», целью которой явилось проведение нужного кандидата на выборах Президента Украины 2019 г. Создание «управляемого хаоса» [1; 12 и др.] в стране подготовило условия для вооружённого мятежа, который был осуществлён радикальными националистами в 2014 г. В результате президентом стал один из наиболее амбициозных из украинских политиков «оранжевой волны», экс-секретарь Совета национальной безопасности П. Порошенко. Именно его страсть к власти, обогащению и опора на «бандеризм» привели к гражданской войне. Разложение национальной экономики и социума, рост коррупции, падение жизненного уровня населения обнажили перспективу территориального распада Украины. Для определённых кругов Украины, включая ряд олигархов, и США стало очевидным, что следующие выборы могут привести в кресло президента «народного» кандидата. Проблема поиска нового подконтрольного кандидата и проведения его избирательной кампании стала предметом особого внимания и закулисных переговоров. Кандидат должен был отвечать ряду требований: обладать коммуникативными навыками и интеллектом, быть управляемым и обеспечить «движение европейским путём» в рамках проекта сотрудничества с Евросоюзом и стабилизации ситуации в стране. Данные обстоятельства предопределили основательную подготовительную, организационную работу и финансирование проекта. Привлечение ряда специалистов из Украины и США привело к разработке и проведению поведенческой операции «Слуга народа».

В основу операции был положен архетип «героя», который любим народом, является его частью и борется с недостатками современной действи-

тельности. Миф о героических буднях борьбы за народное счастье разработчиками был заложен в многосерийный фильм «Слуга народа». Последний стал одним из продолжительных и не дорогих политических рекламных роликов, где обычный человек В. П. Голобородько, будучи честным, принципиальным и умным, избирается президентом. При этом актёр своей игрой отражает в сознании народа «карту желаний», где он выходит на борьбу с «нечистой силой». Во многих сериях показано, как он без усталости «воюет» с бандой коррумпированных бюрократов, разгребает «авгиевы конюшни» государства. Демонстрируя при этом преодоление различных преград, герой реализует фокусированный коллаж, обеспечивая перенос образа «президента» из игры в реальность. С каждой серией (т. е. виртуальной ситуацией) у украинцев зрела и крепла идея иметь близкого к тому президента. Главный актер В. Зеленский стал быстро наращивать значительный политический капитал, невозможный в обычной ситуации. В процессе просмотра серий «Слуги народа» зрители проникаются популистской идеей о герое из народа, который придёт к власти и всех спасёт. В этом случае «мотивационный коллаж» и «коллаж намерений» чётко формулировал и подталкивал к одной цели – избрание в президенты именно В. Зеленского. Беспрецедентный вариант проведения поведенческой операции, связанной с проникновением виртуального в реальность, оказал влияние на выбор среднестатистического жителя Украины. Профессиональный юморист и лицедей В. Зеленский, исполнив роль главы государства и набрав около 74 % голосов, стал в конце апреля 2019 г. новым Президентом Украины.

Мониторинг ведения информационных войн субъектами международного права фиксирует и другие фрагменты проведения бихевиористских операций, раскрытие которых в рамках статьи представляется сложным. Очевидность их проведения с привлечением данных о реальном поведении людей в различных ситуациях, их привычках, склонностях и реакциях позволяет констатировать появление принципиально нового вида операций – поведенческих. В этом плане проблему комплексных будущих исследований планируется разрешить посредством её перевода в систему задач, увязанных с выявленными узловыми точками данного феномена. В результате предполагается получение возможности перехвата системы управления ходом проводимой операции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое нами исследование «behavioral operation» (бихевиористских операций) открывает новые перспективы анализа виртуальных конструктов деструктивной коммуникации и последующего выделения вероятностных точек их разрушения. Информационные «вбросы» в социум в рамках поведенческих операций показали высокую их эффективность. Обладая сравнительной малозатратностью, эти операции выходят на пер-

вый план в информационно-психологическом противодействии субъектов международного права. Прежние технологии, будучи высокзатратными, длительными по подготовке и не всегда эффективными, трансформируются, освобождая место для «новых» технологий и методов. Психологический анализ бихевиористских операций позволил разработать рабочий вариант их определения, подходы к пониманию механизма модификации поведения больших социальных групп и выделить отдельные фрагменты практики проведения. Такой анализ стал возможным на основе обобщения межпредметных знаний бихевиористской, когнитивной, социальной, виртуальной и ряда других психологических наук. Анализ показывает, что в контексте глобальной конкурентоспособности информационно-психологическая защита любого социума пребывает в критическом состоянии. Осознание изменившейся ситуации отстаёт от реальности. В итоге большие социальные группы реально могут оказываться в целевой «ловушке». Поэтому в обществе формируется потребность в переводе рефлексии на позиции критического осмысления состояния и более чёткого и глубокого понимания целей, стоящих перед обществом. Более того, возникает необходимость разработки и проведения информационно-психологических спецопераций, направленных на предупреждение и пресечение применяемых поведенческих операций. Системно-комплексный подход к проведению дальнейших исследований бихевиористских операций позволит расширить диапазон представлений и привести к снижению риска их использования в деструктивных целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартош А. А. Модель управляемого хаоса в культурно-мировоззренческой сфере // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 23 (709). С. 9–27.
2. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределённости: Правила и предубеждения. Харьков: Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005. 632 с.
3. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. М.: Книжный мир, 2015. 416 с.
4. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Новая военная доктрина США и поведенческие войны // Информационные войны. 2015. № 3 (35). С. 27–33.
5. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М.: Книжный мир, 2014. 352 с.
6. Манойло А. В. «Дело Скрипалей» как операция информационной войны // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.09.2019).
7. Почепцов Г. Бихевиористские войны как новый этап развития методологии информационных войн // Информационный сайт Psyfactor.org. [2014]. URL: <https://psyfactor.org/psyops/behaviorwar.htm> (дата обращения:

31.08.2019).

8. Скиннер Б. По ту сторону свободы и достоинства / пер. с англ. А. Федорова. М.: Оперант, 2015. 192 с.
9. Слейтер Л. Открыть ящик Скиннера / пер. А. А. Александрова. М.: АСТ, 2007. 320 с. (Psychology).
10. Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-коорд. Г. В. Осипов. М.: ИНФРА-М-Норма, 1998. 488 с.
11. Arquilla J. Worst Enemy. The reluctant transformation of the American military. Chicago: Ivan R. Dee, Publisher, 2008. 288 p.
12. Bostrom N. Super Intelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014. 352 p.
13. Jennrich R. I. «Asymptotic Properties of Non-Linear Least Squares Estimators» // The Annals of Mathematical Statistics. 1969. № 40 (2). P. 633–643.
14. Mischel W. Personality dispositions revisited and revised: A view after three decades // Handbook of personality: Theory and research / ed. L. A. Pervin. New York: Guilford Press, 2010. P. 111–134.
15. Mischel W., Moore B. Effects of attention to symbolically presented rewards upon self-control // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. № 28. P. 172–179.
16. Nye J. R. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004. 291 p.
17. Pentland A. Social Physics: How Good Ideas Spread. The Lessons from a New Science. New York: Penguin Books, 2014. 320 p.
18. Rotter J. B. The Development and Application of Social Learning Theory: Selected Papers. New York, 1982. 367 p.
19. Shore Z. A sense of the enemy: refocusing prediction in military and foreign affairs // Joint Force Quarterly. 2012. Iss. 65. P. 32–37.
20. Szafranski R. Neocortical warfare? The acme of skill // In Athena's camp. Preparing for conflict in the information age / ed. J. Arquilla, D. Ronfeldt. Santa Monica, 1997. P. 395–416.
21. Skinner B. F. Science and human behavior. New York: Macmillan, 1953. 461 p.
22. Skinner B. F. Reflections on behaviorism and society. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1978. 209 p.

REFERENCES

1. Bartosh A. A. [The model of controlled chaos in the cultural-ideological sphere]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 2014, no. 23 (709), pp. 9–27.
2. Kaneman D., Slovik P., Tversky A. *Prinyatie reshenii v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya* [Decision-making in uncertainty: Rules and prejudices]. Kharkov, Institute of Applied Psychology "Humanitarian Center" Publ., 2005. 632 p.
3. Larina E. S., Ovchinsky V. S. *Mirovoina. Vse protiv vseh. Noveishie kontseptsii boevykh deistvii anglosaksov* [Mirovoina. All vs all. The latest concept of warfare of the Anglo-Saxons]. Moscow, Book world Publ., 2015. 416 p.
4. Larina E. S., Ovchinsky V. S. [New US Military Doctrine and Behavioral Wars]. In: *Informatsionnye voyny* [Information wars], 2015, no. 3 (35), pp. 27–33.

5. Larina E. S., Ovchinsky V. S. *Kibervoiny XXI veka. O chem umolchal Edvard Snouden* [Cyberwar XXI century. What silent Edward Snowden]. Moscow, Book world Publ., 2014. 352 p.
6. Manoilo A. V. ["The Skrypals case" as the operation of the information war]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Regional State University (e-journal)], 2019, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 01.09.2019).
7. Pocheptsov G. [Behavioral war as a new stage of methodology development of the information warfare]. In: *Psyfactor.org*, 2014. Available at: <https://psyfactor.org/psyops/behaviorwar.htm> (accessed: 31.08.2019)
8. Skinner B. F. Beyond freedom and dignity (Russ. ed.: Fedorov A., transl. *Po tu storonu svobody i dostoinstva*. Moscow, Operant Publ., 2015. 192 p.).
9. Sleiter L. To open a drawer Skinner (Russ. ed.: Alexandrov A. A., transl. *Otkryt' yashchik Skinnera*. Moscow, AST, 2007. 320 s.).
10. Osipov G. V., ed. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar' na russkom, angliiskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh* [Sociological encyclopedic dictionary in Russian, English, German, French and Czech]. Moscow, INFRA-M-Norma Publ., 1998. 488 p.
11. Arquilla J. *Worst Enemy*. The reluctant transformation of the American military. Chicago, Ivan R. Dee, Publisher, 2008. 288 p.
12. Bostrom N. *Super Intelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford, Oxford University Press, 2014. 352 p.
13. Jennrich R. I. Asymptotic Properties of Non-Linear Least Squares Estimators. In: *The Annals of Mathematical Statistics*, 1969, no. 40 (2), pp. 633–643.
14. Mischel W. Personality dispositions revisited and revised: A view after three decades. In: Pervin L. A., ed. *Handbook of personality: Theory and research*. New York, Guilford Press, 2010, pp. 111–134.
15. Mischel W., Moore B. Effects of attention to symbolically presented rewards upon self-control. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1973, no. 28, pp. 172–179.
16. Nye J. R. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, 2004. 291 p.
17. Pentland Alex. *Social Physics: How Good Ideas Spread*. The Lessons from a New Science. New York, Penguin Books, 2014. 320 p.
18. Rotter J. B. *The Development and Application of Social Learning Theory: Selected Papers*. New York, 1982. 367 p.
19. Shore Z. A sense of the enemy: refocusing prediction in military and foreign affairs. In: *Joint Force Quarterly*, 2012, iss. 65, pp. 32–37.
20. Szafranski R. Neocortical warfare? The acme of skill. In: Arquilla J., Ronfeldt D., eds. *In Athena's camp. Preparing for conflict in the information age*. Santa Monica, 1997, pp. 395–416.
21. Skinner B. F. *Science and human behavior*. New York, Macmillan, 1953. 461 p.
22. Skinner B. F. *Reflections on behaviorism and society*. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice Hall, 1978. 209 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 27.09.2019

Статья размещена на сайте: 27.12.2019

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Собольников Валерий Васильевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, сотрудник лаборатории «Архетипическая и аддиктивная идентичность» Новосибирского государственного педагогического университета; e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

Valery V. Sobolnikov – Doctor of Psychological Sciences, professor at the Department of General Psychology and History of Psychology, Research Fellow of the Archetypal and Addictive Identity Scientific Laboratory, Novosibirsk State Pedagogical University; e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Собольников В. В. «Behavioral Operation»: понятие, психологический дискурс и фрагменты социальной практики // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Sobolnikov V. V. "Behavioral Operation": concept, psychological discourse and fragments of social practice. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2019, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru